

Анализ понятия «знание»: **подходы и проблемы**

А. Л. НИКИФОРОВ

В статье исследуются проблемы, с которыми сталкиваются современные исследования понятия знания. Автор выдвигает аргумент, согласно которому знание не должно определяться в терминах психологических установок субъекта и, следовательно, в терминах анализа истинностных значений предложений типа «S знает, что P». Полемизируя с некоторыми современными подходами к определению знания, автор приводит доводы в поддержку философско-научного определения знания. В рамках такого подхода знание представляется как обоснованное, интерсубъективное предложение или система таких предложений.

Ключевые слова: знание, истина, эпистемология, обоснование знания, познание, философия науки.

Наряду с понятием истины понятие «знание» является одной из важнейших гносеологических категорий. Однако до недавних пор анализу этого понятия не уделялось большого внимания. Если существуют, по крайней мере, три серьезных концепции истины, имеется обширная литература, посвященная рассмотрению различных проблем, встающих в связи с столкновением понятия истины, то понятие знания чаще всего употребляется в некотором расплывчатом, близком к обыденному смысле. По-видимому, важно отделить понятие знания от понятия истины и подвергнуть самостоятельному анализу проблемы, встающие в связи с нашими попытками понять, что такое знание. В конце концов, важнейшая задача эпистемологии состоит в том, чтобы дать ответ на вопрос: что такое знание и в каких формах оно существует?

I

Возможно, пренебрежение к анализу понятия знания объясняется тем, что ответ на поставленный выше вопрос был известен и не вызывал особых сомнений. Этот ответ давала философия науки. По-видимому, для классической эпистемологии, начиная с Декарта и Бэкона, образцовым примером подлинного чистого знания было научное знание. Именно его имели в виду, говоря о зна-

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 09-03-00624а.

нии, Лейбниц и Кант, французские энциклопедисты, О. Конт и Дж.С. Милль и многие другие. Со второй половины XIX в. оформляется в особую область исследований философия науки, которая предметом своего интереса делает научное знание и методы его получения. Благодаря усилиям блестящей плеяды мыслителей – философов и ученых: Э. Маха, А. Пуанкаре и П. Дюгема, А. Эйнштейна, Н. Бора и В. Гейзенберга, М. Шлика и Г. Рейхенбаха, А. Грюнбаума и Э. Нагеля, К. Поппера, Т. Куна и И. Лакатоса и многих других, – философия науки дала ответ на вопросы о том, что такое научное знание, какими методами оно получается, как обосновывается, как оно структурировано и т.д. И если внутри самой философии науки постоянно шли достаточно горячие споры по различным вопросам, касающимся понимания научного знания, то за ее пределами полученные ею результаты воспринимались без серьезной критики и считались, в некотором смысле, общепризнанными.

Решая так называемую «проблему демаркации», философия науки стремилась найти отличительные признаки научного знания – те его особенности, которые позволили бы отличить научное знание от верований, предрассудков, идеологии, пропаганды и всего остального мусора, который обрушивают на наши головы средства массовой информации. Если попытаться в кратком виде представить те черты научного знания, с которыми более или менее согласно большинство философов науки, то можно сказать следующее.

1) Научное знание всегда (чаще всего) выражено в языке, а именно в описательных предложениях (в дескриптивах, как сказал бы Дж. Остин) и в системах таких предложений – в теориях. Именно в предложениях фиксируются факты науки, выражаются законы, система предложений дает целостное знание об исследуемой области явлений.

2) Знание рационально, т.е. выражающие знание предложения и системы предложений подчиняются обычным законам логики. Скажем, появление противоречия в теории рассматривается как признак неблагополучия, ущербности нашего знания.

3) Предложения, претендующие на статус знания, должны быть в принципе эмпирически проверяемы – наблюдением или экспериментом. Принципиально непроверяемые предложения не могут выражать знания. Проверенные и получившие обоснование (эмпирическое или логическое) предложения и теории становятся знанием.

4) Знание intersubjectively и общезначимо: каждый человек может его усвоить и каждый, понявший предложение и способ его обоснования, вынужден с ним согласиться. Поэтому знание преподают в школах и университетах. Поэтому наука интернациональна.

Все перечисленные характеристики мы можем суммировать в следующем определении: **знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, intersубъективным предложением или системой таких предложений.** Конечно, в этой формулировке есть некоторое упрощение: знание может быть выражено математическим уравнением, графиком, таблицей и т.п., но обычно все это можно переформулировать с помощью предложений.

II

Кажется, до недавних пор в дискуссиях и публикациях по проблемам эпистемологии все мы, пусть с некоторыми оговорками, понимали слово «знание» в указанном выше смысле. Когда кто-то произносил: «Знание есть обоснованное истинное *мнение*», это не вызывало недоразумений или возражений, потому что само собой подразумевалось, что мнение выражается в предложении и это можно истолковать так: «знание есть обоснованное истинное *предложение*». И лишь не так давно стало выясняться, что за этими разговорами о «мнении» стоит совершенно иное понимание знания – то понимание, которое вот уже более трех десятилетий развивается в англо-американской философии и ныне нашло у нас множество приверженцев.

В 1963 г. некий американский философ Эдмунд Геттьер опубликовал статью под названием «Является ли знанием обоснованное истинное убеждение»¹. С момента ее появления прошло уже 45 лет, но до сих пор эта маленькая статья (3 страницы) упоминается почти во всех публикациях, посвященных истолкованию понятия знания². Что же в ней такого привлекательного и важного? Придется взглянуть на нее повнимательнее, ибо до сих пор многие отечественные философы упоминают ее с большим пиететом.

Геттьер утверждает, что определение «знания» как «истинного обоснованного убеждения (верования, мнения)» широко распространено и является чуть ли не традиционным. (И это утвержда-

¹ E. Gettier. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis. Vol. 23. 1963. Слово «belief», использованное в названии, может быть переведено как «убеждение», как «вера» и даже как «мнение».

² См., например, статью В.П. Филатова «Знание» // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1. № 1; статью Е.В. Востриковой «Знание и каузальное обоснование» // Логос. № 2. 2009. А.Ю. Антоновский по этому поводу пишет: «Крошечная двухстраничная статья Эдмунда Геттьера... разрушила ряд базовых и интуитивно понятных представлений о знании» (А.Ю. Антоновский. О различии истины и знания (или о том, где в знании коренится социальность) // Понятие истины в социогуманитарном познании. М., 2008. С. 81.

лось в тот период, когда только что появились две блестящие работы – книга Т. Куна «Структура научных революций» и книга К. Поппера «Предположения и опровержения», ставшие предме-

том обсуждения эпистемологов и философов науки на протяжении почти двух десятков лет). Для подтверждения этого он ссылается на Платона, Р. Чизома и А. Айера. К сожалению, цитат он не приводит, поэтому остается сомнительным, придерживались ли названные авторы указанного определения.

Основной тезис статьи Геттьера прост. Он пытается показать, что человек может иметь истинное обоснованное убеждение и в то же время не иметь знания.

Сначала он конструирует следующее определение «знания»:

«(a) S knows that P IFF (i.e., if and only if)

- (i) P is true,
- (ii) S believes that P, and
- (iii) S is justified in believing that P»³.

Перевод:

«(a) S знает, что P, тогда и только тогда, когда

- (1) P истинно,
- (2) S убежден, что P, и
- (3) S имеет основания для убеждения в том, что P».

Здесь сразу же возникают два вопроса. Во-первых, нетрудно заметить, что речь идет не о понятии «знание», а о глаголе «знать» – о необходимых и достаточных условиях его использования. Но ведь гносеологическая категория «знание» и разнообразные употребления слова «знать» – разные вещи. Во-вторых, условия (2) и (3) говорят о субъективных установках S, а условие (1) имеет совершенно иную природу – оно говорит о некоем объективном (или интерсубъективном) факте. Известен ли этот факт субъекту S? Если известен, тогда условие (3) – лишнее: если мне известно, что P истинно, мне не нужны никакие другие основания для убеждения в том, что P. Если же этот факт S неизвестен, тогда определение фразы «S знает, что P» сводится к условиям (2) и (3): S знает, что P, тогда и только тогда, когда S убежден, что P, и у него есть основания для такого убеждения. Но его обоснованная убежденность станет его знанием только в том случае, когда P истинно, т.е. является знанием. Иначе говоря, обоснованное убеждение является знанием только тогда, когда относится к знанию. Таким образом, определение Геттьера сводится к следующей тривиальности: S знает, что P, тогда и только тогда, когда P является знанием, S убежден в P и S имеет основания для своей убежденности. Хотелось бы сделать бессодержательность конструкции Геттьера

³ Привожу на языке оригинала во избежание недоразумений, связанных с переводом.

как можно более ясной: субъект знает P, если P является знанием; если же P не является знанием, то субъект не знает P, хотя и может иметь самые веские основания верить в P.

Далее с помощью двух искусственно сконструированных примеров Геттьер показывает, что правая часть этой эквивалентности может быть истинна в силу истинности всех членов конъюнкции, тем не менее, левая часть может оказаться ложной, т.е. S не знает, что P. Следовательно, данная эквивалентность неверна, т.е. знание нельзя отождествлять с истинным обоснованным убеждением.

Правда, прежде чем приступить к их изложению, он делает две оговорки: 1) у человека могут быть основания верить в ложное суждение; 2) если S имеет основания верить, что P, и из P следует Q, то S имеет основания верить, что Q.

Пример 1.

Смит и Джонс претендуют на получение некоторой работы. У Смита есть основания верить в следующую конъюнкцию:

(К) Джонс получит работу, и Джонс имеет в кармане 10 монет.

Какие это основания? – Президент компании сказал Смицу, что решено на работу принять Джонса. Это дает ему основание верить в первый член конъюнкции. Он сам 10 минут назад пересчитал монеты в кармане Джонса и обнаружил, что их 10. – Это дает ему основание верить во второй член конъюнкции.

Из этой конъюнкции как будто бы следует:

(С) Работу получит человек, у которого в кармане 10 монет.

Поскольку Смит имеет основания верить в **(К)**, он имеет те же основания верить в **(С)**. (Сразу же стоит заметить, что **(С)** не следует из **(К)**; из **(К)** следовало бы такое предложение: работу получит человек, которого зовут Джонс и который имеет в кармане 10 монет).

Теперь, говорит Геттьер, вообразим, что работу на самом деле получил сам Смит и у него в кармане тоже лежит 10 монет, хотя это ему неизвестно. Тогда получается: **(С)** истинно; Смит верит, что **(С)** истинно; Смит имеет основания верить в то, что **(С)** истинно. Но несмотря на это, нельзя сказать, будто Смит *знает*, что **(С)** истинно, ибо оно оказалось истинным случайно и неизвестно для него. Следовательно, сконструированное определение «знания» опровергнуто.

– Очень наглядный образец софистики и демагогии!⁴ Первый член конъюнкции **(К)** – высказывание о будущем событии, сего-

⁴ Грубовато сказано! И я никогда не позволил бы себе высказаться так по адресу коллеги (пусть даже из США), если бы был уверен в его существовании. Но этот Эдмунд Геттьер – какая-то мифическая фигура: опубликовал всего лишь одну эту статью и больше нигде никак не обозначился. Может быть, кто-то из американских философов решил позабыться и имя «Геттьер» – всего лишь псевдоним?

дня его еще нельзя считать истинным, можно лишь предполагать, что оно когда-то станет истинным. Однако Геттьер неявно считает его истинным, когда использует для вывода следствия, которое тоже объявляет истинным. Но ведь это подтасовка: когда мы де-

лаем логический вывод, мы считаем наши посылки истинными, а здесь очевидно одна из посылок не является истинной, ее истинностное значение нам неизвестно, вывод сделать нельзя. У Смита нет оснований верить в истинность (С). А Геттгер внушает нам, что такие основания есть. Даже если такие основания были, они исчезли, когда работу получил Смит, ибо высказывание «Джонс получит работу» из неопределенного стало ложным. Если осознать, что у Смита нет оснований верить в (С), то становится понятным, почему он не знает, что (С). Пример некорректен, ибо из неопределенного, а затем ставшего ложным высказывания выводится следствие, которое объявляется истинным.

Смехотворность рассуждений Геттгера становится вполне очевидной, если мы, сохранив структуру его аргумента, слегка изменим его содержание.

Допустим, у Смита есть основания верить в истинность конъюнкции:

(К) Джонс получит работу и Джонс пьян.

(Он видит, что Джонс едва держится на ногах).

Из этой конъюнкции он делает вывод:

(С) Работу получит человек, который пьян.

Верить в (С) у Смита столько же оснований, как и верить в (К).

Вообразим теперь, скажем мы вместе с Геттгером, что работу, как и было решено, дали Джонсу, но он успел проспаться и протрезвел. Тогда оказывается: (С) ложно (Джонс-то трезв); Смит верит, что (С) истинно; у Смита есть основания верить, что (С) истинно. Ясно, что поскольку первое условие нарушено, Смит *не знает*, что (С). Однако не все потеряно: он может поднести Джонсу стакан виски, чтобы Джонс опять сделался пьян, и тогда условие «(С) истинно» будет выполнено. И тогда можно будет сказать: Смит *знает*, что (С)! Хорош аргумент, который с помощью стакана виски незнание превращает в знание!

Пример 2.

У Смита есть основания верить в то, что его друг Джонс владеет автомобилем марки «Форд» (за все время их знакомства Джонс постоянно ездил на «Форде», подвозил неоднократно Смита и т.п.)

Таким образом, у Смита есть основания верить в истинность предложения:

(А) Джонс владелец «Форда».

У Смита есть еще один друг Браун, который неизвестно где находится. Смит может сформулировать следующие высказывания:

(Б) Джонс владелец «Форда», либо Браун в Бостоне.

(В) Джонс владелец «Форда», либо Браун в Барселоне.

(Г) Джонс владелец «Форда», либо Браун в Брест-Литовске.

Геттьер полагает, что (Б), (В) и (Г) следуют из (А) и Смит может вывести их из своего первого предложения. Таким образом, если у Смита есть основания верить в (А), то у него есть такие же основания верить в Б, В, Г.

Но теперь вообразим, говорит Геттьер, что у Джонса нет «Форда» и (А) ложно. В то же время совершенно случайно и неизвестно для Смита его друг Браун находится в Барселоне, т.е. (В) истинно. Тогда получается: (В) истинно; Смит верит, что (В) истинно; Смит имеет основания верить, что (В) истинно. Однако нельзя сказать, будто Смит *знает*, что (В), ибо оно лишь случайно и неизвестно для него истинно. Опять определение «знает, что» опровергнуто!

– Ну, это уже пример элементарной логической безграмотности. Когда мы говорим, что из высказывания «а» следует дизъюнкция «а или б», каким бы ни было «б», то мы отношение логического следования или выводимости отождествляем с материальной импликацией. Но кому же неизвестно, что этого нельзя делать? – Геттьеру, по-видимому. И, конечно, о парадоксах материальной импликации он не слышал. Он полагает, что когда материальная импликация «Если $2 + 2 = 5$, то снег бел» истинна (в силу ложности антецедента), то из предложения « $2 + 2 = 5$ » можно вывести предложение «Снег бел». Вот бы попробовал! Но еще забавнее здесь другое: используя союз «either... or», Геттьер говорит здесь о строгой дизъюнкции «либо..., либо», а строгая дизъюнкция не следует из ее членов даже в смысле материальной импликации. Нестрогая – следует, а строгая – нет. Поэтому из (А) не следует (В) даже в смысле материальной импликации. В любом случае, если (А) ложно, то мы скажем, что Смит сделал ошибочный вывод, поэтому заключение, которое подсовывает нам Геттьер, неверно. Вообразив, что у Джонса нет «Форда», Геттьер сразу же уничтожил основание веры Смита в (В).

Таким образом, можно констатировать, что вся статейка Геттьера основана на безграмотности, подтасовках и демагогических уловках, которые в теории аргументации характеризуются как софизмы. Конечно, как философское произведение она не заслуживает никакого внимания, поэтому недаром на нее никак не откликнулись серьезные философы – У. Куайн, который был в расцвете сил, К. Гемпель в Принстоне, Р. Карнап в Чикаго⁵.

III

Но дело не в паралогизмах и софизмах автора. Бог с ним! Одного взгляда на название статьи Геттьера было бы достаточно, чтобы отбросить эту статью, не читая. «Является ли знанием обоснованное истинное убеждение?» – нет, конечно! Чего тут обсуж-

дать? Убежденность, уверенность, сомнение и т.п. – все это характеристики моей психики, это мои внутренние состояния, которые, конечно, никаким знанием быть не могут, ибо принадлежат только мне и никому больше. Я убежден, что сейчас у меня болит живот. У меня есть основания для такой убежденности – болевые ощущения в области живота. Можно ли считать это знанием? В лучшем случае это можно было бы назвать моим личным знанием, но не знанием в гносеологическом смысле.

И вот здесь мы можем по достоинству оценить статью Геттьера и понять, почему она привлекла столь большое внимание англо-американских философов. Обсуждение знания как философской категории эта статья перевела в разговор о психическом индивидуальном состоянии «знать», «быть уверенным», «сомневаться» и т.п. или о разнообразных смыслах слова «знать», т.е. в разговор о словоупотреблении, – в полном согласии с поздним Витгенштейном. Становится понятным, почему ни Карнапа, ни Куайна, ни Гемпеля эта статья не привлекла: в ней не было обсуждения философской проблемы, а проблемы психологии или словоупотребления они обсуждать не хотели. Но понятно также, почему философы, далекие от философии науки, кинулись обсуждать, критиковать и дополнять эту статью: при неопределенности терминов, при неясности проблем, связанных с пониманием психических феноменов, можно было строчить бессмысленные статьи и книги, не боясь, что тебя схватят за воротник. Вот тогда в этой области и произошел пресловутый «лингвистический поворот» – анализ понятия «знание» был заменен анализом языкового выражения «знать, что», а вместо обсуждения и решения философских проблем познания стали обсуждать психолингвистические проблемы, связанные с употреблением языковых выражений.

Можно сказать, что с точки зрения логики это был переход от логики высказываний к логике так называемых «пропозициональных установок» (*propositional attitudes*) – выражений типа «S знает, что P», «S сомневается, что P», «S уверен, что P» и т.п. Если логика высказываний анализировала логические связи между са-

⁵ К сожалению, не знаю, как отреагировали на статью Геттьера Айер и Чизом, которых она непосредственно касалась.

ими суждениями P, Q и т.д., то логика пропозициональных установок анализирует установки «знает», «верит» и отношения между ними. Знание в философском смысле выражается в суждениях, а сами установки выражают не знание, а лишь отношение субъекта к знанию. Может быть, в каком-то смысле интересно рассмотреть вопрос о том, что означает слово «знает» в обороте «S знает, что P», но к пониманию того, что такое «знание» этот вопрос не имеет никакого отношения⁶.

Гораздо более интересным и важным в философском отношении представляется еще один подход к пониманию знания, который опирается на исследования антропологов, этнографов, культурологов. В нашей стране этот подход вот уже 20 лет развивает и пропагандирует И.Т. Касавин, который в своих работах показывает, что знание существует и за пределами науки – в обыденной жизни, в обрядах и ритуалах, в мифах, в ремеслах и обычаях. С его точки зрения, истолкование знания философией науки является чрезмерно узким, оно далеко не охватывает всех видов знания, которыми руководствуются люди в своей повседневной жизни. С этим вполне можно согласиться.

IV

Как мне представляется, только философия науки и опирающаяся на нее эпистемология способны сегодня дать внятный ответ на вопрос о том, что такое знание. А этот ответ нужен нам для того, чтобы уметь выделить знание из того конгломерата идей, представлений, предрассудков, мифов, астрологических прогнозов, который со всех сторон обрушивают на нас телевидение, массовая печать, Интернет и т.п. При Президиуме РАН образована комиссия по борьбе с лженаукой, в которую входят известные ученые. Этот факт свидетельствует о том, что вопрос об определении понятия «знание» приобрел ныне большое социальное значение.

Античность отличала знание от мнения, *episteme* от *doxa*. Все мы помним слова Демокрита: «(Лишь) в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, ... в действительности же (существуют только) атомы и пустота». Средневековые проводили различие между знанием и верой: «Итак, – писал Аврелий Августин, – что я разумею, тому и верю; но не все, чему я верю, то и разумею.

⁶ Возможно, это слишком сильное утверждение. «Я знаю, как доказывалась эта теорема», «Я знаю, почему лужи во дворе сегодня ночью замерзли», «Я знаю английский язык» - в этих фразах слово «знаю» употребляется, очевидно, в разных смыслах. Отсюда можно было бы совершить переход к различению и анализу разных типов знания. Но совершает ли кто-либо такой переход?

Все, что я разумею, то я знаю; но не все то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю»⁷.

Сегодня мы можем говорить о трех разных областях, к которым могут относиться наши идеи, – области *верований*, области *мнений* и области *знания*. В самом первом приближении можно сказать, что область верований составляют такие идеи, которые мы принимаем без рассуждений, которые не требуют обоснования, которые отвечают нашему чувству жизни. Сюда относятся не только религиозные идеи, но и все то, во что мы верим в нашей

обыденной, повседневной жизни. Скажем, я оптимист и верю в то, что жизнь у нас в стране когда-нибудь наладится и мы избавимся от отвратительных язв современности. Мне не надо обосновывать эту веру и ее не могут поколебать совершающиеся ныне события.

В область мнений входят идеи, выражающие мое субъективное отношение к вещам и явлениям, мои личные оценки и мои вкусы. Я могу считать, что Зураб Церетели – великий скульптор, а Пикассо – дрянной художник. Это мое мнение, оно выражает мой личный эстетический вкус, я его никому не навязываю и допускаю, что у других людей может быть иное мнение. Мнение тоже не нуждается в обосновании: если я никому его не навязываю, то зачем мне его обосновывать?

В области знания дело обстоит иначе: всякое знание требует обоснования (закон достаточного основания Г.В. Лейбница). В отличие от веры и мнения, знание – это то, что нуждается в обосновании и может быть обосновано. – Почему? – Потому, что знание интересобъективно: оно принадлежит не одному, а многим, и чтобы его приняли многие, оно нуждается в обосновании. Конечно, эти три сферы не отделены четко одна от другой, они проникают друг в друга. Мнение далеко не всегда выражает вкусы и предпочтения индивида, порой мнение опирается на предшествующий опыт и приближается к знанию. К сожалению, вопрос о том, что такое мнение, классификация мнений разных типов, взаимоотношения между мнением и знанием, кажется, до сих пор остается мало исследованным, поэтому здесь еще много неясного.

Но если знание интересобъективно, т.е. принадлежит многим и может быть передано от одного к другому, оно должно иметь интересобъективную форму выражения, поэтому знание всегда выражается в языке, а именно в повествовательных (описательных) предложениях.

Знание есть результат особой познавательной деятельности, оно не возникает вдруг – как вера, как мнение, а формируется в результате целенаправленных усилий. Внезапно может возник-

⁷ Антология мировой философии в четырех томах. Т.1. Ч. 2. М., 1969. С. 597.

нуть мысль, решение проблемы, но чтобы они превратились в знание, нужны дополнительные, порой длительные усилия. Конечно, познавательная деятельность часто вплетена в практику: действуя с вещами окружающего мира, мы многое узнаем о них. Однако познание не сливается с практикой, его результат – знание об объекте, а не его преобразование, являющееся целью практической деятельности.

Если знание есть результат познавательной деятельности, выраженный в предложении, которое должно и может быть обосновано, то как достигается обоснование? В самом общем виде мы

можем сказать, что обоснование достигается практическим применением, эмпирической проверкой или логическим доказательством. Во всех случаях речь идет о проверке. Таким образом, знание – это то, что может быть проверено.

Результат проверки может быть двояким: наша идея привела к успеху в практическом применении, получила подтверждение с помощью эмпирических методов познания или нам удалось построить ее доказательство; либо практическое применение идеи привело к неудаче, эмпирическая проверка ее опровергла, доказательство построить не удалось. В случае успеха мы свою идею обосновали, а когда нам этого не удастся, мы ее отбрасываем. Таким образом, *знание – это результат познания, выраженный проверенным обоснованным предложением.*

Вообще говоря, на этом можно было бы остановиться, этого нам вполне достаточно для того, чтобы отличить знание от мнения и веры. Логические позитивисты, К. Поппер в начальный период своего творчества, Т. Кун, И. Лакатос и многие другие мыслители на этом и останавливались в своей характеристике знания. Можно анализировать способы получения и обоснования знания, его структуру и функции отдельных элементов, процедуры проверки, подтверждения и опровержения, ограничиваясь приведенным пониманием. Этим и занималась, в основном, философия науки XX в.

Однако философская теория познания рассматривает знание с более широкой точки зрения и ставит вопрос, выходящий за узкие рамки философии науки, – вопрос об отношении знания к чему-то внешнему по отношению к нему – к внешнему миру или к деятельности человека. Гносеологическая оценка знания в его отношении к внешнему миру (или к его предмету) выражается фундаментальным понятием *истины*. Проверенные обоснованные предложения, в которых выражается знание, мы оцениваем как истинные.

Это принципиально важный момент. Когда мы говорим о структуре знания, о его проверке, подтверждении или опровержении и т.п., мы все еще остаемся в плоскости идей и чувственных восприятий, в области, так сказать, «внутренних» вопросов языковой системы, как сказал бы Р. Карнап. Оценивая же идеи как истинные или ложные, мы уже выходим за границы чувственного восприятия и языка и говорим об отношении наших идей к внешнему миру или к нашей деятельности в этом мире, т.е. решаем уже «внешний» вопрос. Понятие знания и понятие истины теснейшим образом взаимосвязаны: знание – это то, что оценивается как истина; истина – это необходимый атрибут знания. Поэтому вопрос об истине – это вопрос о природе знания: дает ли знание нам картину окружающего мира или оно служит лишь полезным средством успешной деятельности? Классическая концепция истины приводит к реализму в понимании знания; прагмати-

стская концепция истины выражается в инструменталистском истолковании знания. Во всяком случае, кажется бессмысленным говорить о знании, не соотнося его с внешним миром, т.е. не используя понятий истины и лжи. Тогда лишается смысла его отличие от веры и мнения, от фантазий и иллюзий. В самом деле, зачем мне проверяемость, обоснованность, подтверждаемость и т.п. – сами по себе? Одна идея проверена и обоснована, другая – непроверяема, третья – опровергнута – ну, и что из этого? Все это получает смысл лишь в том случае, когда проверенная и обоснованная идея вдобавок еще считается истинной. Тогда она обретает свойство, которого лишены все остальные идеи. Таким образом, знание – это то, что может оцениваться как истина. К мнениям и верованиям эта оценка неприменима.

Конечно, здесь все еще остается множество нерешенных проблем. Если неясно понятие знания, то не меньше неясностей связано с понятием истины, причем как с теорией корреспонденции, так и с прагматистской трактовкой этого понятия. Как, например, оценивать историю человеческого познания? Можно ли считать, что у предшествующих поколений не было знания, ибо их идеи и концепции мы ныне оцениваем как ложные? Если же мы признаем, что и наши предки обладали знанием, то это требует дальнейших уточнений понятий истины и знания.

Однако сколь бы многообразными ни были проблемы, встающие в связи с уточнением понятий «неявного» знания, с различием между «знанием, что» и «знанием, как», с социо-культурной относительностью знания и т.п., это еще далеко не все. Гораздо более важными, на мой взгляд, являются проблемы, встающие в связи с попытками применить понятия истины и знания к наукам об обществе и человеке. Хорошо известно, что философия науки, да и традиционная гносеология, говоря о знании и его анализе, имела в виду почти исключительно естественно-научное знание. Астрономия, механика, оптика, термодинамика, электродинамика, химия – вот те области науки, которые давали образцы для методологического анализа. Но ведь сфера нашего знания не исчерпывается только этими дисциплинами.

В каком смысле можно говорить о знании и об истине в социальных науках, в частности в социологии, в экономической науке, в истории?⁸ Ответ на этот вопрос представляет не только схоластически-академический интерес, он реально актуален и важен именно сейчас, именно для нашей страны.

V

Итак, мы имеем ныне, по крайней мере, три разных подхода к анализу понятия «знание».

Первый опирается на философию науки и рассматривает образцы научного знания. Только в рамках этого подхода выработано более или менее ясное определение того, что такое знание.

Культурологический подход, обращающий внимание, главным образом, на повседневное, обыденное знание, пока еще, на мой взгляд, больше обещает, чем дает. Да, его представители заставили нас всех ныне согласиться с тем, что знание есть и за пределами науки. Но что оно собой представляет? В каких формах существует? Как передается и усваивается? – Это еще далеко не ясно.

Наконец, психолингвистический подход, который в последние 30 лет разрабатывается в англо-американской философии и связан с анализом выражения «знает, что», с анализом словоупотребления и ментальных состояний субъекта, кажется мне бессодержательным, схоластическим и тупиковым. Все эти споры и разговоры об экстернализме и интернализме, о мозгах в бочке, о китайских комнатах, о том, как воспринимает мир летучая мышь или крокодил, ничего не добавили к тому, что говорили о знании традиционная эпистемология и философия науки. Может быть, они что-то дали психологии, философии сознания, но не эпистемологии. Во всяком случае, рассмотрение вопроса о том, в каком психическом состоянии находится какой-нибудь Сидоров, когда он знает, что снег бел, или когда он сомневается, что снег бел, или когда он предполагает, что снег бел, и какие при этом нейрофизиологические процессы происходят в его организме – повышается или понижается у него кровяное давление, краснеет он, бледнеет или зеленеет, не обещает никакого продвижения в нашем понимании природы человеческого знания. И мне очень жаль, что некоторые мои друзья и коллеги с воодушевлением включились в разработку схоластических проблем этого бесплодного подхода.

Надеюсь, что наша дискуссия и взаимная критика позволят внести некоторый вклад в понимание природы и специфики знания, в частности, помогут нам всем хотя бы осознать собственную позицию в подходе к анализу этого понятия.

⁸ Попытку применить результаты традиционной философии науки к анализу экономического знания можно найти в монографии: В.А. Колпаков. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. М., 2008, а также статьях этого же автора.